

Вальтер Гёрлиц

Германский
Генеральный
штаб

ИСТОРИЯ И СТРУКТУРА

1657—1945

Вальтер Гёрлиц

**Германский Генеральный штаб.
История и структура. 1657-1945**

«Центрполиграф»

Гёрлиц В.

Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657-1945 / В. Гёрлиц — «Центрполиграф»,

В. Гёрлиц увлекательно и подробно осветил историю создания германского Генерального штаба, начиная с XVII века, периода зарождения прусско-бранденбургской армии, когда впервые упоминается Генеральный штаб, и до окончания Второй мировой войны. Автор рассказывает, как складывалась каста генштабистов, подчеркивает особое значение связки начальник штаба – командующий, детально рассматривает «управленческую триаду», рисует яркие портреты офицеров Генерального штаба, объясняет сложную структуру командования немецкими войсками во Второй мировой войне.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Вальтер Гёрлиц

Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657-1945

Глава 1 ИСТОКИ

I

Прусский Генеральный штаб – плод конкретной стадии европейского развития, порожденный сочетанием абсолютной монархии с регулярной армией, ставшей неотъемлемой частью государства после Тридцатилетней войны.

В 1525 году Великий магистр Пруссии Альбрехт Бранденбург-Ансбахский передал в светское пользование последние территории бывшего орденового государства. Он перешел в протестантскую веру и принял от своего дяди, короля Сигизмунда, Восточную Пруссию. Военный историк фон Беренхорст уже в конце XVIII века утверждал, что не прусская монархия была страной, имевшей армию, а у армии была страна, которую она использовала в качестве территории дислокации. «Национальной профессией Пруссии является война», – писал Мирабо, а современники язвили, что если во всех странах армия существует для государства, то в Пруссии государство существует для армии. В сущности, это не так уж далеко от истины; история Пруссии является, по сути, историей прусской армии.

Во время Тридцатилетней войны спекулятивная торговля наемниками превратилась чуть ли не в основную отрасль экономики. Добровольной вербовки было уже недостаточно. Вербовщики хватили людей где попало и принуждали записываться в армию. Дело было поставлено на поток. Любой вербовщик за солидный выкуп отпускал пойманных людей и тут же был готов перекупить у другого вербовщика излишний «улов». Так Великий магистр заложил основы регулярной прусской армии и, соответственно, Пруссии. Династия Гогенцоллернов расширяла свои владения, наследуя и завоевывая новые земли; армия железным кольцом окружала эти территории. Строго говоря, никогда не существовало прусской нации, но была прусская армия и прусское государство.

Помимо армии опорой абсолютной монархии Гогенцоллернов являлся протестантизм со специфическим прусским оттенком и патриархальная система землевладения в лице крупных землевладельцев, юнкеров. В зависимости от решения короля находились, несомненно, все вопросы церковного управления; что же касается землевладельцев, то посягательства монарха на некоторые привилегии, которые они имели благодаря своему положению, компенсировались личной юрисдикцией и правом распоряжаться своими крепостными.

Трудно вообразить прусскую армию без юнкеров Восточной Эльбы, без этой прусской аристократии, которая на протяжении двух столетий снабжала армию и прусский Генеральный штаб офицерским составом. Фактически история Генерального штаба неразрывно связана со сравнительно небольшим количеством знатных семейств. Юнкеры заметно отличались от остального прусского дворянства, однако следует заметить, что зачастую их владения не приносили прибыли. Они были освобождены от поборов, не считая ничтожно малого налога, сохранившегося еще с феодальных времен и регулировавшего отношения между феодалом и сюзереном. В случае войны крестьяне, присягнувшие на верность, были обязаны предоста-

вить лошадей, а дворяне лошадь и всадника; вместо лошади разрешалось внести сопоставимую сумму.

С генетической точки зрения юнкерство являло собой невероятную смесь. Можно сказать, что своего рода основу составляли такие фамилии, как Вендиш, Кассубиан, Зитенс, Манштейн, Йорк, имевшие «пруссские корни». В гугенотских поселениях преобладали французы. Объединение Силезии и польских территорий привело к наплыву поляков; обедневшее польское дворянство активно стремилось служить прусскому монарху. До 1806 года поляки составляли приблизительно одну пятую высшей и одну четверть низшей аристократии. Хотя поляки полностью онемечились и их привычки и мировоззрение ничем не отличались от германцев, придирчивый наблюдатель отмечал свойственное полякам непомерное высокомерие и склонность к необузданной расточительности.

II

Зарождение службы Генерального штаба (Generalstabsdienst) относится примерно к 60-м годам XVIII века, периоду формирования прусско-бранденбургской армии. В то время заслуженной славой пользовалась шведская армия, и великий курфюрст выбрал ее в качестве образца для создания так называемого штаба генерал-квартирмейстеров. В ведении штаба находились все инженерные службы. Штаб осуществлял контроль за передвижением войск, занимался выбором мест для палаточных лагерей и укрепленных районов. Первое упоминание о Генеральном штабе появляется в 1657 году в записях бранденбургского генерал-квартирмейстера, обер-лейтенанта инженера Герхарда фон Белликума. Судя по записям, его помощником был обер-лейтенант инженер Якоб Хольстен, называвшийся заместителем генерал-квартирмейстера.

Представление о начальной структуре Генерального штаба можно получить из платежных ведомостей того времени. Одним из первых упоминается генерал-интендант, отвечавший за обмундирование, вооружение, продовольствие и размещение. В распоряжении этого офицера находился главный сержант, звание, перешедшее из армии нового образца Кромвеля.

Далее идут: два генерал-адъютанта; генерал, отвечавший за продовольствие; генерал-аудитор (инспектор), занимавшийся вопросами, связанными с военным правом; генерал, ведавший транспортными делами, и «силовой», который курировал проблемы правопорядка. Фактически, ни генерал-квартирмейстер, ни «силовой» генерал не считались старшими офицерами Генерального штаба. Подобная честь выпала генералу артиллерии, Фрейхеру фон Спару, одному из по-настоящему великих генералов.

В 1670–1673 годах среди подчиненных Белликума мы находим некоего Филиппа де Чиезе, или Чиеза, известного скорее как создателя потсдамской крепости и берлинского монетного двора, нежели солдата, и, кроме того, как строителя подвесной почтовой дороги, так называемой «берлинки». До 1699 года дела Чиеза, как и таких французских офицеров, де Майстре, дю Пюи и де Бриона, шли весьма успешно. Что касается личного состава квартирмейстерской службы, то он, согласно старшинству, выглядел следующим образом: старший квартирмейстер, квартирмейстер Генерального штаба и квартирмейстер штаба. Перечисленные должностные лица составляли технико-административную часть штаба, которая, по правде говоря, никогда не создавалась на постоянной основе. Стоило разразиться войне, и генеральный военный комиссариат, как поначалу назывался Генеральный штаб, собирался заново.

В Австрии, чьим правителям не хватало военного опыта, развивался несколько иной институт, так называемый Королевский военный совет, который включал правителя и группу людей с опытом действительной военной службы. Этот совет разрабатывал оперативные планы, то есть занимался тем, чем в сегодняшнем нашем понимании занимается Генеральный штаб.

Однако в Пруссии великий курфюрст сам был генералиссимусом и начальником штаба. Его внук, король Фридрих-Вильгельм I, заложил традицию, по которой король *ipso facto*¹ являлся Верховным главнокомандующим, руководящим армией на полях сражений.

При нем форма стала официальным нарядом правителя, и, тем самым, самой изысканной одеждой. Офицерская служба была привилегией аристократии. Офицер привык рассматривать себя в качестве слуги монарха, олицетворявшего собой государство, и воинская присяга, которой юнкер присягал на верность своему суверену, приобрела новую, глубокую значимость. Понимание личной преданности являлось реальной моральной основой армии. Действительно, прусских, а позже германских офицеров отличал высочайший моральный дух.

Новое государство, подобно Австрии и России, получилось милитаристским. Даже гражданская администрация перенимала военные манеры, и красноречивое тому доказательство наименование высшестоящих правительственных чинов – член военного совета (Kriegsrat). За исключением Академии наук, все образовательные учреждения служили исключительно военным целям. К примеру, кадетские школы (Ritterakademie) и Военная академия (Militärakademie) предназначались для обучения дворян. Инженерная академия (Ingenieurakademie) выпускала военных инженеров, а медицинская школа (так называемая *Periniere*) готовила полковых врачей.

При Фридрихе-Вильгельме I концепция так называемого «прусского повиновения и подчинения» стала основополагающим принципом поведения прусского офицерства, однако в те дни это не было слепым повиновением. Командир кавалерии фон Седлиц писал в мемуарах, что, когда в 1758 году в битве при Цорндорфе Фридрих Великий приказал атаковать русских пехотинцев, он ответил: «Скажите его величеству, что после битвы моя жизнь будет в его распоряжении, но пока продолжается бой, я намереваюсь использовать ее в своих интересах».

III

Великий курфюрст завещал тридцатитысячную армию своему преемнику. Фридрих I увеличил ее до сорока тысяч, а армия Фридриха-Вильгельма I составляла уже восемьдесят тысяч человек. К 1786 году, после смерти Фридриха Великого, армия насчитывала двести тысяч человек. Эти данные свидетельствуют о выходе Пруссии к концу XVIII века на уровень великой державы. Три победы, одержанные в Силезских войнах, и раздел Польши в 1772 году прибавили к владениям Фридриха Западную Пруссию и Силезию, а его победы в Семилетней войне упрочили репутацию прусской армии в Европе. Однако не военное искусство Фридриха уберегло Пруссию от уничтожения более мощными соседями.

Подобно предшественникам, Фридрих Великий являлся начальником штаба. Его квартирмейстерская служба была схожа с ранее описанной и включала около двадцати пяти офицеров. Правда, теперь в штаб входил корпус связных и ординарцев, и появился институт начальников оперативно-разведывательного отделения штаба. Эти офицеры перемещались с места на место и оказывали помощь генералам, поставляя необходимую информацию, разведывательные данные и тому подобное. Естественно, эти службы должны были действовать в непосредственном контакте с королем. Фридрих Великий лично занимался подготовкой штабных офицеров, и ежегодно двенадцать блестящих офицеров с академическим образованием (лучших выпускников *Academie des Nobles*) пополняли ряды оперативно-разведывательного отделения штаба. Но, несмотря на это, пока и речи не было о Генеральном штабе в нашем понимании этого слова. Король еще не имел авторитетного штата военных советников.

По нашему мнению, необходимо отметить зарождение института, с которым у военнo-хозяйственного управления с течением времени развилась острая борьба. Речь идет о гене-

¹ В силу очевидного факта (*лат.*). (*Здесь и далее примеч. пер.*)

рал-адъютантской службе, исходной ячейки наиболее характерной прусской особенности – военного кабинета прусских королей. При первых прусских королях эта служба была преимущественно занята документацией. Фридрих Великий несколько расширил сферу ее деятельности в связи с новой системой «директив», необходимость которых диктовалась исключительностью момента.

Известно, что во время Семилетней войны театры военных действий были разбросаны по значительной территории, и от командующих большими группами армий ожидалось большей самостоятельности действий. Соответственно офицерам следовало дать определенную свободу для принятия решений. В подобных случаях король предпочитал, помимо штабных офицеров, прикомандировывать к полевым командирам генерал-адъютанта или личного адъютанта, чьи обязанности, по сути, сводились к роли королевского комиссара. Во время Семилетней войны пять таких адъютантов были прикомандированы к пехоте, два к кавалерии и самый известный из адъютантов, Ганс фон Винтерфельд, один из ближайших друзей короля, служил под его непосредственным началом.

С 1758 года Генрих Вильгельм фон Анхальт единственный из генерал-адъютантов имел секретаря. Он был незаконнорожденным сыном принца Вильгельма фон Анхальт-Дессау и славившейся красотой дочери священника. Этот человек вступил в прусскую армию под именем Густавсон и служил в квартирмейстерской службе. В 1761 году Фридрих пожаловал ему дворянское звание, и с 1765-го по 1781 год в ранге полковника он занимал посты первого генерал-адъютанта и начальника квартирмейстерской службы. Особый интерес представляет тот факт, что в период раздела Польши и в войне за баварское престолонаследие в 1778 году этот человек сыграл такую большую роль в решении задач, касающихся различных отрядов войск, что о нем можно говорить как о начальнике штаба Фридриха. Он вряд ли относился к разряду приятных людей, напротив, за ним закрепилась репутация грубого солдафона. Но одна характерная черта объединяла его с будущими начальниками Генерального штаба: по большей части его деятельность держалась в секрете, и он оставался практически неизвестен широкой публике.

IV

В XVIII столетии войны велись по своим собственным правилам. Экономическое и даже политическое могущество государств, сторонников абсолютизма, было ограниченным, а это, соответственно, сказывалось на военных нуждах. Профессиональные армии Гогенцоллернов, Габсбургов и Бурбонов требовали больших затрат. Финансовая проблема решалась благодаря отработанной системе налогообложения и рациональному и интенсивному использованию наследственных земель. В жертву дисциплине было принесено абсолютно все: в прусской армии не существовало таких понятий, как гуманность, права личности, частные интересы. Пехота вступала в бой развернутым, математически выверенным строем. Солдаты выполняли все по команде, действуя абсолютно синхронно. Цель состояла в том, чтобы солдаты перемещались и вели огонь как нечто единое целое, словно хорошо отлаженный механизм. Личность как таковая в расчет не принималась. Фридрих Великий отмечал, что солдат должен бояться палки унтер-офицера больше, чем вражеских пуль; если солдаты начнут думать, то ни один из них не останется в армии. Следует учитывать только два момента: скорость передвижения и огневую мощь. Использование железного шомпола, введенного в обиход прусской армии герцогом Леопольдом Анхальт-Дессау, оказало значительную помощь в решении этой задачи, поскольку деревянный шомпол имел склонность быстро приходить в негодность.

В те годы командирам не требовались специальные приборы, чтобы следить за ходом сражения. Достаточно было просто расположиться на небольшой возвышенности, поскольку малая дальность действия оружия ограничивала размеры поля битвы, и отдавать команды голо-

сом. Цели, преследуемые войнами, были столь же скромными, как масштабы военных операций. Войны велись за овладение крепостью или областью. Еще не было и в помине смертельной борьбы между народами, не говоря уже о войнах на идеологической почве.

Военная стратегия того времени, напоминая шахматную стратегию, концентрировалась на разумном маневрировании и, насколько возможно, избегала принятия трудных решений, связанных с прямым столкновением. Граф Вильгельм фон Шаумберг-Липпе, один из наиболее значимых военных историков того времени, писал в своих воспоминаниях, что военное искусство должно состоять в том, чтобы избежать войны, или, по крайней мере, постараться уменьшить причиняемое ею зло. Одной из наиболее типичных войн XVIII века была война за баварское наследство, когда в 1778 году Фридрих Великий повел борьбу с целью воспрепятствовать объединению Австрии и Баварии. В данном случае король и его брат, принц Генрих, каждый во главе восьмидесятитысячной армии, двинулись из Силезии и Лозницы в Богемию, в то время как австрийцы укрепили свои позиции на Верхней Эльбе. Однако проблема была урегулирована не с помощью военных действий, а путем дипломатических переговоров. Пока понятие войны на уничтожение проявлялось только в турецких войнах против Габсбургов на Балканах; Османская империя свято чтит традиции Тимура и Чингисхана. Но эти войны происходили на территориях, располагавшихся в какой-то степени на периферии внимания Европы XVIII столетия.

Однако уже наступали перемены. В середине века в изысканный мир рококо ворвались два события: индустриальная революция и просвещение. С наибольшей очевидностью это произошло в Англии и Франции. Спекулянты скупали родовые имения, и это было знаменем времени. Деловая активность буржуазии и ее способность «делать деньги» начали ощутимо прорывать заколдованный феодальный круг. Эти изменения тут же нашли отражение в сфере военной деятельности. Техническая компетентность стала представлять опасность традиционной табели о рангах, особенно в артиллерии, которая теперь, по существу, стала оружием государства. Герхард Иоганн Шарнхорст, сын фермера-арендатора, начал карьеру в качестве офицера артиллерии в ганноверской армии. Даже Пруссии не удалось устоять против скрытой классовой войны, которая была вызвана стабильным притоком офицеров из среднего класса в артиллерию и инженерные части.

Тем временем военная мысль XVIII века занималась тем, что называется *reductio ad absurdum*². В неких умах возникла убежденность, что военное искусство, по сути, является предметом математических вычислений. Этому мнению придерживались фон Темплехоф, прусский полковник артиллерии, и Дитрих Генрих фон Бюлов, барон, гвардейский офицер. Теории Бюлова страдали метафизичностью; он чрезвычайно увлекался формальными моментами. В квартирмейстерском штабе самым известным представителем «математического» направления был полковник Кристиан фон Массенбах. Вне всякого сомнения, измышления подобного рода привели к исчезновению эффективных форм борьбы. После чего фон Салдерн, один из генералов времен Фридриха Великого, заявил, что суть всей военной подготовки лежит всего лишь в преобразовании учебного плаца.

V

Застой военной системы Фридриха Великого привел к бюрократизации армейского командования. При Фридрихе-Вильгельме II, преемнике Фридриха Великого, стало ясно, что для управления всеми делами монархии сил одного человека слишком мало, в особенности если этот человек предается радостям жизни, как это делал монарх. Вот почему в 1787 году был образован Высший военный совет (Ober-Kriegs-Kollegium), под руководством двух

² Доведение до абсурда (*лат.*).

фельдмаршалов, графа Брунсвика и фон Меллендорфа, совет, исполнявший роль верховного военного органа. В совет входили три ведомства: одно занималось вопросами мобилизации и снабжения, другое – оснащением армии, а третье патронировало инвалидов войны. Кроме того, по крайней мере теоретически, под контролем совета находились генерал-адъютантское и квартирмейстерское ведомства. Генерал-адъютант пехоты, кем бы он ни был, подчинялся генерал-адъютантскому департаменту, который занимался вопросами, связанными с офицерским составом, гарнизонами, вооружением и всеми правовыми и уставными вопросами. В состав квартирмейстерского штаба входило от двадцати до двадцати четырех человек; теперь у них появилась собственная форма. В пехоте форма штабных офицеров состояла из бледно-голубого мундира с красной обшивкой и темно-желтого жилета и брюк; у артиллерийских офицеров мундир был белым. Помимо уже перечисленных обязанностей этот департамент в 1796 году попросил разрешения заняться типичной для Генерального штаба деятельностью, а именно составлением военных карт. С этой целью к квартирмейстерскому штабу были прикомандированы тринадцать инженеров-географов, топографов, местом расположения для которых был избран королевский замок в Потсдаме. По большей части эти «инженеры-географы» являлись представителями среднего класса, буржуазии; юнкеры считали ниже своего достоинства возиться с цветными карандашами и циркулями.

В дальнейшем время от времени происходил кадровый обмен между генерал-адъютантским и квартирмейстерским департаментами. Первый пехотный генерал-адъютант полковник фон Гессау впоследствии возглавил квартирмейстерский департамент. Но даже в этом случае департаменты продолжали соперничество. В конечном итоге генерал-адъютантская служба добилась господствующего положения не только по отношению к генерал-квартирмейстерской службе, которой так и не удалось подняться выше уровня обычной технической службы, но и над Высшим военным советом, который, имея весьма смутные представления о круге своих обязанностей, в значительной мере пострадал от этих разногласий. В результате генерал-адъютантская служба превратилась во всемогущий военный кабинет прусских королей, государство в государстве. По крайней мере одна из причин активных призывов Штейна к реформированию военного кабинета заключалась в способности кабинета с помощью секретной информации оказывать влияние на короля. Однако, несмотря на недостатки, генерал-адъютантская служба, как показало время, была наиболее близка к современному Генеральному штабу.

VI

Как ни странно, прусская армия продолжала оставаться признанным образцом для Европы, причем настолько, что непосредственно перед французской революцией французский военный министр подумывал о переносе во Францию военной структуры и строевого устава Пруссии. Французская революция явилась поворотным моментом во всех сферах жизни, включая военную, и в очередной раз продемонстрировала жизнестойкость Франции.

Ничто в то время не представляло большего контраста, чем настроения, царившие в Германии и Франции. После изнурительной Семилетней войны Германия истосковалась по миру. Это стремление к миру нашло свое отражение в трактате Канта «К прочному миру», в котором война обличается как разрушитель добра и источник всяческого зла; подобные рассуждения встречаются у Шиллера и в работах Гердера. Во Франции торжествовали иные чувства. Французская революция несла не только идею свободы и равенства, она породила национальное государство, которое, в свою очередь, создало феномен вооруженного государства, да и в целом продемонстрировала новые потенциальные возможности. Развитие Пруссией этой концепции стало одним из непредвиденных следствий революции, которое, по примеру Германии, в свое время подхватили восточные славяне.

Французы постепенно стали разочаровываться в существующем положении, и умеренные лидеры Национального собрания, искренне стремившиеся примирить старорежимных офицеров с революцией, неожиданно столкнулись со следующей проблемой. Высказывалась мысль предложить командование революционной армией графу Брунsvику или гессенскому генералу и министру графу Эрнсту Генриху фон Шлифену, последователям школы Фридриха Великого. В 1791 году строевой устав французской армии практически не отличался от устава королевской армии.

Борьба со старыми порядками в армии началась в то время, когда к власти пришли наиболее радикальные элементы революции, якобинцы. Многих офицеров казнили только по причине их благородного происхождения; казармы, парадные плацы и все то, что напоминало о прежней железной муштре, стало вызывающими отвращение символами старого порядка. Во многих полках были сформированы «солдатские комитеты», прообразы «солдатских советов» 1918 года. В то время как в Страсбурге проходил съезд полковых делегатов, двадцать тысяч моряков подняли мятеж в приморском Бресте.

Национальная гвардия, организованная с целью защиты имущих классов, постепенно превратилась в исходную ячейку народной армии. Когда в 1792 году Пруссия, Австрия, Англия и Испания создали коалицию против французской революции, лидеры революции взывали к патриотизму широких масс, и депутат Дюбуа-Кранч внес в Национальное собрание законопроект о всеобщей воинской повинности. Этот законопроект тут же обрел силу закона, и с легкой руки Бара началось прославление ставшего под ружье народа.

VII

Кампания 1792 года, этот крестовый поход королей, потерпела неудачу. Французская народная армия, полностью опрокинув традиции, продемонстрировала новую манеру боя, что-то вроде наступления разомкнутым строем огромной массы людей. Французов не отличало особое мастерство, но действовали они чрезвычайно эффективно. Мало того, революционные французские войска, имея мало общего со стоящей особняком властью, не рассматривали войну как какое-то исключительное событие. Этим, вероятно, объясняется их беспрецедентная жизнеспособность. В ситуациях, когда с вышколенными, хорошо вооруженными войсками было бы уже покончено навсегда, они умудрялись оправиться от поражений.

Существовал и экономический момент. Дешевого пушечного мяса с появлением народной армии стало в изобилии. Теперь не требовалось силой загонять народ в армию, а значит, не было необходимости иметь дорогостоящий мобилизационный аппарат. Старый феодальный порядок рухнул. Появилась новая народная армия. С Францией следовало заключить мир, поскольку, как заметил князь Гогенлоэ, нельзя взять верх над сумасшедшими.

Уроки пошли на пользу. Кант, Шиллер, Гельдерлин и Гердер были не единственными, кто с энтузиазмом приветствовал революцию. Ряд молодых офицеров, вроде майора генерал-квартирмейстерского штаба фон дер Кнезебека и лейтенанта фон Бойена (в то время простого пехотного офицера из Восточной Пруссии), продемонстрировали заметное расположение к новым тенденциям, пришедшим с Запада. Военные писатели, такие, как Георг Генрих фон Беренхорст, теперь отказались от математической концепции войны и принялись объяснять военную тактику с точки зрения политических переворотов. Беренхорст пришел к заключению, что следует заменить профессиональную армию кадровой армией на основе местной милиции (ландмилиции). Фон Бюлов активно поддерживал его точку зрения и в особенности настаивал на значении новой тактики перестрелки.

Однако новая «доктрина ползания по-пластунски» не нашла отклика в Высшем военном совете и в генерал-адъютантском штабе, а к ее сторонникам отнеслись с насмешкой и презрением. Особому остракизму подвергся фон Бюлов. Только горстка генералов во главе с

генерал-лейтенантом фон Рюхелем и генерал-лейтенантом Курбье, который возглавлял прусскую гвардию в последней кампании, настаивала на всеобщей воинской повинности и неожиданно получила поддержку со стороны штабных офицеров, близких Кнезебеку. К сожалению, их взгляды вошли в столкновение с принципами юнкеров Восточной Эльбы, поскольку затрагивали права землевладельцев в отношении крестьян и личной собственности. Последствия французской революции отозвались в сердце Пруссии. По Силезии, отличавшейся особенно деспотичной системой, прокатились крестьянские восстания. Целые деревни испытали на себе самое варварское обращение со стороны командиров.

Тем не менее французская революция опрокинула прежний порядок вещей, приведя к изменениям во всем мире. Прусская армия не могла не признать этого факта. Изменения привели к беспрецедентному расширению театра и целей войны; борьба стала ожесточеннее и бесчеловечнее. Довольно интересно, что рождение народных армий совпало по времени не только с французской и английской промышленной революциями, но и с биологической фазой, связанной с увеличением народонаселения в странах Европы.

Революционные массы опрокинули существовавшее в XVIII веке мнение, что война является занятием аристократов. Теперь Франция воевала на Рейне, в Южной Германии, Бельгии, Северной Италии, Египте, Сирии, на своих южных и западных окраинах. Она сражалась с армиями Пруссии, Австрии, Испании, Англии, России, Турции и против собственных контрреволюционеров. В 1794 году Франция имела миллионную армию.

Теперь один командующий не мог руководить огромным войском. Столь же невероятным представлялось одновременно осуществлять руководство на нескольких театрах войны, расположенных на большом расстоянии друг от друга. Стало ясно, что новое положение дел требует радикальных изменений в стратегии и тактике войны: требовалось точно определить такие понятия, как армия, дивизия, корпус. При Фридрихе Великом существовало понятие групп, но эти группы не представляли конкретную функциональную модель. Их состав менялся по ходу возникающей ситуации. Теперь все изменилось: появилось новое войсковое соединение – дивизия.

VIII

В связи с этим возникла новая проблема: как осуществлять связь между командованием и дивизиями? Штабные офицеры, прикомандированные к дивизиям, обеспечивали доставку и разъясняли приказы, направляемые сверху. По всей видимости, эти офицеры должны были иметь высокую профессиональную подготовку. Ведомство военного министра Карно играло роль своего рода поставщика таких офицеров. Хотя оно являлось скорее организацией, связанной с вопросами пополнения и снабжения армии, и не имело никакой власти, однако готовило специалистов в соответствии с требованием времени. В связи с этим хочется отметить одну характерную особенность этого ведомства: его работа отличалась стремлением к анонимности. Сегодня это является практически сутью штабной работы. Как однажды заметил генерал фон Сект, у штабных офицеров нет имен.

Таким образом, процесс ведения войны постепенно оказывался в руках специалистов. Этот процесс, ведущий свой отсчет с французских революционных войн, ускорился благодаря техническому прогрессу XIX века. Никто более офицеров Генерального штаба не ощутил на себе воздействие деперсонализации. Две диаметрально противоположные силы оказали влияние на процесс формирования германского Генерального штаба: расслоение феодального общества старой Пруссии и новый национализм французской революции. Великому реформатору Шарнхорсту была предоставлена возможность примирить эти противоречивые силы и тем самым совместить старое с новым.

Глава 2

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Шарнхорст и Гнейзенау, идеалисты

I

В 1801 году Герхард Иоганн Шарнхорст обратился к королю Пруссии с просьбой принять его на службу в прусскую армию. Его желание было понятно: в то время служба в прусской армии сулила большие возможности для продвижения, чем в датской армии, где ему предлагалась соответствующая должность. Заявление Шарнхорста сопровождалось тремя любопытными просьбами. Он просил присвоить ему звание подполковника, пожаловать дворянский титул и позволить провести реформу прусской армии. По всей видимости, как доказательство профессионального уровня, к заявлению были приложены три проекта реформирования различных направлений военной науки.

Безусловно, подобное заявление в случае Шарнхорста носило необычный характер. Не было никаких видимых причин, подтолкнувших бы его к избранию карьеры военного. Он родился в 1755 году в Боденау в семье крестьянина-арендатора, бывшего сержанта ганноверской артиллерии. Мать Шарнхорста была племянницей одного из придворных поставщиков. Брат отца поставлял рыбу к столу ганноверского курфюрста. Шурин был мельником. Мало того, у Шарнхорста отсутствовало то, что пруссаки обозначают словом *stramm*³, а его лицо с мясистым носом и саркастически изогнутыми губами ни в коей мере не подходило кадровому прусскому офицеру.

Он производил жалкое впечатление на парадах; его приказы не выполнялись неукоснительно, и он не обладал тем особым искусством красноречия, которое способно вдохновить рядовых солдат.

Однако к чести прусской армии следует сказать, что, несмотря на всю необычность ситуации, заявление Шарнхорста было принято. Шарнхорст учился в знаменитой военной школе графа Вильгельма фон Шамбург-Липпе, реорганизатора португальской армии и сторонника революционной идеи всеобщей воинской повинности. Шарнхорст приобрел известность в период революционных войн в Бельгии. Будучи начальником штаба генерала фон Гаммерштейна, коменданта крепости Менин, Шарнхорст руководил вылазкой из осажденной крепости. После чего Шарнхорст был назначен начальником штаба графа Вальмодена, командующего ганноверскими войсками. К этому времени Шарнхорст был уже на весьма хорошем счету, но скорее производил впечатление рассеянного ученого, чем бравого офицера. Кроме того, он блестяще владел пером и редактировал серьезный военный журнал.

II

Вступление Шарнхорста в прусскую армию совпало с разногласиями во второй антифранцузской коалиции между Россией и Англией и захватом неограниченной власти после переворота 18 брюмера Наполеоном (он фактически стал диктатором). В это время Пруссия переживала одну из наиболее закрытых стадий своей богатой событиями истории. Действительно, она не была больше Пруссией Фридриха-Вильгельма II, который находил удовольствие

³ Подтянутый, молодцеватый (*нем.*); *strammer Offizier* – бравый офицер (*нем.*).

в обманчивом, но восхитительном закате старого режима. Исчезли толпы ярких любовниц. Произошли и другие благотворные изменения, но, хотя возмутительные явления исчезли из прусской жизни, на их месте образовалась пустота. В области дипломатии, обороны, администрирования и в социальной сфере государственная машина работала с самодовольной некомпетентностью, удивительной даже по стандартам XVIII столетия. Большинство признавало необходимость реформы, но почти никто не отваживался на действия. Таким образом, не осталось ничего от прусской политики, отмеченной осторожным консерватизмом. В это время Наполеон установил власть над Южной и Западной Германией, Бельгией, Швейцарией и Италией. Из Египта он угрожал британскому владычеству в Индии. Однако Пруссия, насытившись территориями, полученными после второго раздела Польши, всеми силами старалась сохранить нейтралитет, что было не политикой, а скорее отсутствием вообще какой-либо политики.

Внутреннее положение было ничем не лучше. Дворянство, повязанное кровным родством, упрямое, амбициозное и жадное, удерживало все ключевые посты в своих руках. В особенности в армии. Только в артиллерии можно было обнаружить полковника, имевшего недворянского происхождения. По правде сказать, юнкерству, которое таким людям, как Штейн, казалось пародией на истинное дворянство, уже пора было отказаться от всегдашней тупоумной самоуверенности и упрямства, с которым оно цеплялось за старую жизнь.

Между тем именно под руководством юнкерства армия, главная опора этого государства воинов и колонизаторов, двигалась от плохого к еще более худшему. Устаревшие приемы муштры, издевательские методы поддержания дисциплины, наказания плетьюми и прогон сквозь строй делали армию чем-то сродни огромной средневековой тюрьме. Довольно часто в небольших гарнизонных городах Восточной Эльбы мирные бюргеры вздрагивали от доносящихся из темноты резких залпов сигнальной пушки, сообщавшей, что солдат или группа солдат дезертировали из армии.

Требовалась более сильная личность, чем правящий монарх Фридрих-Вильгельм III, чтобы держать в повиновении это расшатанное хозяйство. Но в любом случае Фридрих-Вильгельм прекрасно осознавал существующее положение, даже если и был не в состоянии что-то изменить. Какое-то время он носился с идеей освобождения крестьян, хотя это так ни во что и не вылилось, и, безусловно, осознавал, что необходимо что-то делать с армией. В меморандуме 1795 года он ссылаясь на этот институт как на больной организм, которому необходимо оказать помощь в оздоровлении. Весьма меткое замечание!

III

Несмотря на вышесказанное, в случае с Шарнхорстом Пруссия сдержала свое слово, и его необычное требование о получении дворянского титула было выполнено вскоре после зачисления в прусскую армию. Более того, зачисленному в штаб квартирмейстерской службы, ему поручили руководство военными школами, а уже в июле 1801 года Шарнхорст основал в Берлине Военное общество (*Militärische Gesellschaft*), поставившее перед собой цель реформировать армию.

Президентом этого общества стал генерал-лейтенант фон Рюхель, губернатор Потсдама и инспектор гвардии. Адьютант Рюхеля, майор фон Кнезебек, с энтузиазмом относился к идее 1789 года относительно укрепления армии с помощью местной милиции. Приблизительно в то же время Шарнхорсту пришла мысль использовать национальную милицию при создании народной армии.

Общество пополнили молодые офицеры, лейтенанты и капитаны, в их числе были Бойен, Грольман, Клаузевиц и Рюхле фон Лилиенштерн, горячие сторонники Шарнхорста. Однако приверженцы старой школы сдерживали пыл этих энтузиастов, проявляя определенный научный интерес к новым тенденциям, но и внося критический дух, желая сдержать излишний пыл

молодых офицеров. К старой гвардии относились полковник фон Пфуль, сотрудник штаба, и полковник Ганс фон Йорк, в то время командир стрелкового полка. Из этих двоих фон Йорк отличался особой придирчивостью и критиканством. Он служил в иностранном легионе на Яве и в Кейптауне и во время службы ознакомился с нововведениями, касающимися структуры армии. Будучи непреклонным старым прусским традиционалистом, он, естественно, отказывался признать, что новая тактика предполагает изменение социального строя. Кроме того, он заявлял, что в обществе ведется слишком много «заумных» разговоров, гораздо больше, чем могут переварить «честные прусские» умы.

Большинство генералов сомневалось в успешности применения французской модели массовой народной армии, предлагаемой для пересмотра системы Фридриха Великого. Рюхель имел обыкновение говорить, что в прусской армии есть ряд генералов, обладающих качествами «господина Бонапарта». Однако Шарнхорст, изучая Наполеоновские войны, ни на минуту не сомневался в том, что французская революция привела в движение мировую систему, вызвала серьезные изменения в мире. Шарнхорст видел военное значение происшедших изменений. Наполеон с помощью всеобщей воинской повинности в полной мере использовал людские ресурсы; создал новую тактику построения пехоты на поле боя; произвел деление армии на дивизии, укомплектованные всеми видами вооружения; и последнее, но отнюдь не менее важное, создал Генеральный штаб армии. Авторитета Шарнхорста и силы его убежденности было вполне достаточно, чтобы доказать необходимость использования новых идей для проведения реформ в прусской армии.

Однако следует заметить, что Шарнхорст отнюдь не был революционером. Он стремился, сохраняя ценные традиции прошлого, органично перейти от старой системы к новой. В этом отношении он был своего рода копией Штейна, который рассматривал реформирование гражданского общества как естественное развитие исторического процесса. Кроме того, Шарнхорст ясно представлял, что создание милиции, введение всеобщей воинской повинности неизбежно повлекут за собой ослабление крепостной зависимости. Освобождение крестьян и принятие всеобщей воинской повинности – два взаимосвязанных условия. Гегель, ставший впоследствии философом всемогущего государства, уже предавался мыслям об идеальном немецком устройстве. Для Шарнхорста была очевидна зависимость между всеобщей воинской повинностью и освобождением народа, и он требовал и того и другого.

Возглавив Военную академию, Шарнхорст взялся за обучение нового поколения офицеров, которые должны были сыграть важную роль в последующие десятилетия. Это поколение отличалось высоким чувством ответственности и идеализмом. Среди учеников Шарнхорста были молодые люди, впоследствии завоевавшие известность. Лейтенант Карл фон Клаузевиц, выходец из обедневшей семьи теологов-протестантов; штаб-капитан Карл Вильгельм фон Грольман, сын высокопоставленного судейского чиновника; лейтенант Август фон Лилиенштерн, сын возведенного в дворянское достоинство прусского офицера из Франкфурта; штаб-капитан Герман фон Бойен. Показательно, что все эти люди, так же как Штейн и Гарденберг, вели свое происхождение не от юнкеров Померании, а совсем из других областей и слоев общества. Ученики Шарнхорста, впоследствии сформировавшие ядро прусского Генерального штаба, получили достойную нравственную и интеллектуальную подготовку. Не напрасно программа элитной военной школы 1790 года включала философию Канта; категорический императив (принцип этики Канта, основанной на понятии долга) воодушевлял этих людей.

Шарнхорст, человек повышенной восприимчивости, искренне верующий христианин, полностью осознавал все неприятные аспекты военной профессии. Он понимал, какую серьезную ответственность влечет за собой ведение войны. Шарнхорст вырастил поколение людей, которым нельзя отказать в уважении, и воспитал их в уверенности, что война как способ решения политических проблем допустима только в экстраординарных обстоятельствах, когда нет

уже другого выхода. Снова и снова Шарнхорст предостерегал против кабинетной политики, ведущейся тайно и недозволенными методами, в которой преобладала военная точка зрения.

Наполеон, сам того не желая, стал учителем немецких государств в сфере военной деятельности. Но в одном отношении его подражатели превзошли учителя. Наполеон стремился сам исполнять функции начальника штаба и составлять оперативные планы. Французский Генеральный штаб был не что иное, как обычный Генеральный штаб армии. Его штаб ничем не напоминал тот многофункциональный Генеральный штаб, который в конечном итоге появился в Германии. Начальник штаба французского императора, маршал Бертье, который в чине французского полковника принимал участие в американской Войне за независимость, был, строго говоря, всего лишь начальником военного управления, в чьи функции входило издавать и передавать приказы и распоряжения.

Следует отдать должное деятельности Шарнхорста в том, что Пруссия выбрала свой собственный курс в развитии военной отрасли. Кроме того, надо отметить изобретательность и организаторские способности такой несколько спорной личности, как полковник фон Массенбах, сотрудник генерал-квартирмейстерского штаба, один из наиболее активных членов Военного общества. Массенбах во многих отношениях был удивительной личностью. Отпрыск благородной семьи из Вюртемберга, невысокого роста, приземистый, лысый, с живым взглядом, он был человеком беспокойного ума, снедаемым честолюбием, и, между прочим, горячим поклонником Наполеона. Массенбах, безусловно, был более яркой личностью, чем Шарнхорст, но излишне взрывной, неуравновешенный, он страдал от своего дурного характера.

В 1801 году фон Массенбах уже составлял инструкции и распоряжения, относящиеся к генерал-квартирмейстерскому штабу. В двух важных документах, датированных январем и ноябрем 1802 года, Массенбах подчеркивал необходимость создания постоянного Генерального штаба, который должен работать даже в мирное время в качестве планирующего органа. Он предложил (его предложение является сутью всей концепции) и в мирное время составлять оперативные планы с учетом возникновения различных ситуаций военного времени. Массенбах рассматривал три возможных театра военных действий: с Австрией, Россией и Францией. Следовательно, предлагаемый им Генеральный штаб должен состоять из трех отделов-бригад. Он предвидел войну с Пруссией и Россией, но отбрасывал мысль о войне с Францией, которой так восхищался.

Далее. Массенбах настаивал (крайне важное предложение) на том, что с разведывательной целью в мирное время должна регулярно проводиться рекогносцировка предполагаемых театров военных действий. Другие новшества были связаны с регулярной сменой места службы в Генеральном штабе и в войсках и с тем, что должно стать наиболее важным правом каждого будущего начальника штаба, – возможностью личного доклада королю, то есть абсолютным правом беспрепятственно общаться с Верховным главнокомандующим, оказывать влияние на решения монарха. Последнее предложение часто повторялось, но сравнительно поздно было проведено в жизнь.

Фридрих-Вильгельм III посчитал меморандум Массенбаха настолько важным, что разослал его генералам с целью получить их мнение об этом документе. Откровенно высказался только Рюхель; большинство дало неясные ответы. Фельдмаршал фон Моллендорф считал, что бессмысленно заранее готовить оперативные планы. Генерал фон Цастров сомневался в целесообразности рассматривать Генеральный штаб в качестве тренировочной базы. Теперь все генералы, считал Цастров, станут демонстрировать способность к руководству и ни один не пожелает выполнять приказы другого.

Тем не менее в 1803 году король, действуя в соответствии с предложениями Массенбаха, приказал генерал-майору фон Граверту провести реорганизацию генерал-квартирмейстерского штаба. Генерал-лейтенант фон Гесау был назначен начальником штаба. Одновременно на него было возложено руководство военным ведомством, Высшим военным советом и

инженерным корпусом – значительное расширение сферы деятельности генерал-квартирмейстерского штаба.

Штаб генерал-квартирмейстерского штаба состоял из двадцати одного офицера; они все, кроме Шарнхорста, были из титулованных семейств. Трое были генерал-квартирмейстерами, что равносильно полковнику или, в отдельных случаях, генерал-майору; шестеро квартирмейстерами, то есть майорами; шестеро лейтенант-квартирмейстерами, то есть капитанами, и еще шестеро – адъютантами. В штаб входили также шесть «офицеров-географов» вместе с небольшим штатом клерков и связных. В соответствии с планом Массенбаха служба была разделена на три бригады, каждая под началом одного из генерал-лейтенантов-квартирмейстеров (*Generalquartiermeisterleutnants*); бригады отвечали за один из трех театров военных действий. Назначены были генерал-майор фон Пфуль, сын вюртембергского генерала, Массенбах и Шарнхорст. Первая, или восточная, бригада приняла на себя территорию, охватывающую правый берег Вислы; вторая, южная, бригада – территорию Центральной и Южной Германии, включая Силезию, а третья, западная, бригада – Западную Германию.

В некоторых отношениях обстоятельства, при которых начал действовать новый институт, были не слишком благоприятны. Начальник штаба и три бригадных командира существенно отличались друг от друга. Генерал-лейтенант фон Гесау был старым; его сообразительность до некоторой степени сменилась тугодумием, и он потерял способность с легкостью удерживаться на волнах бюрократического океана. Пфуль был попросту раздражительным педантом, хотя у него и случались проблески озарения, и, по крайней мере, он понимал необходимость реформ. Массенбах, *bel esprit*⁴, к сожалению, был совершенно не способен адекватно оценивать собственное красноречие.

Кроме того, Массенбах, как уже говорилось, оставался последователем математического направления и неизменно возвращался к навязчивой идее, будто всеобщая постанова на военный учет в мирное время равносильна директиве на победу. Но главным препятствием служила его неуравновешенность, которая однажды едва не стоила ему жизни. Только Шарнхорст, которого Пфуль и Массенбах называли педантичным наставником, удачно сочетал интеллектуальные возможности и эмоциональное равновесие, отлично понимая истинное значение детища Массенбаха.

Однако, несмотря на все странности руководства, у Пруссии теперь был настоящий Генеральный штаб. Единственная трудность заключалась в том, что никто не понимал практической пользы этой части государственной машины и весьма смутно вырисовывался круг ее обязанностей и реальная власть в организационном беспорядке военной иерархии. Рядом с генерал-квартирмейстерским штабом – теоретически над ним – Высший военный совет под началом фельдмаршала фон Моллендорфа и герцога Брунсвика; первому было к восьмидесяти, а второму к семидесяти. Однако не они, а генерал-адъютантская служба приобрела большое влияние на ведение военных дел. Как мы уже знаем, генерал-адъютантская служба функционировала как секретный военный кабинет и своего рода личный штаб короля. В то время его возглавлял генерал-адъютант от инфантерии, генерал-майор фон Кокритц, типичный представитель «монашеского смирения» потсдамского гарнизона, из тех, чей мир составляли карты, выпивка и табак. Он не задумывался, как в случае чрезвычайных обстоятельств будут согласовываться действия этих разнородных военных ведомств.

Пока ответственность за деятельность генерал-квартирмейстерского штаба была целиком возложена на Шарнхорста, но он был противником грубых методов. Шарнхорст отстаивал необходимость реализации новых идей, правильность которых была признана в последнее время, таких, как укрепление армии с помощью милиции, создание смешанных дивизий, представленных всеми родами войск, под руководством собственных штабов (Шарнхорст зани-

⁴ Остроумный человек (*фр.*).

мался подготовкой офицеров для службы в таких штабах) и корректировка боевых методик в соответствии с нуждами времени.

Стратегия Наполеона была нацелена на полное безжалостное уничтожение врага. Шарнхорст представлял себе иной тип войны. Растущая численность армий привела его к выводу о необходимости дробления сил на марше. Шарнхорст предвосхитил мысль Мольтке, сформулировав принцип: «Всегда вести военные действия, сконцентрировав войска, но никогда не стоять сконцентрировавшись». Отсюда вытекает мысль о создании «оперативного» штаба.

IV

В 1805 году Россия, Австрия и Британия сформировали третью коалицию против Наполеона. К альянсу присоединилась Швеция, и стало ясно, что в критический момент присоединится и Пруссия. Предположение графа Кристиана фон Хаугвитца, прусского министра иностранных дел, что Пруссия могла стоять в стороне как *tertius gaudens*⁵ и получать выгоду от борьбы великих держав, оказалось несостоятельным.

Появилось опасение, что за просьбой царя пройти через территорию Пруссии стоит желание аннексировать государство. Но царь, по крайней мере, попросил разрешения вступить на прусскую территорию, тогда как Франция, обойдя подобную формальность, не раздумывая вторглась в Пруссию. Результатом явилось поражение Хаугвитца и его сторонников. Пруссия вошла в антинаполеоновскую коалицию, хотя сохранила прежнюю осмотрительность, предпочитая вооруженную медиацию (т. е. состояние посредничества. – *Примеч. ред.*) статусу воюющего государства (если удастся выйти из этого положения с честью).

Такая неуверенность со стороны короля понятна и достойна всяческих похвал, поскольку Фридрих-Вильгельм не был уверен ни в собственных способностях, ни в своей армии. Однако Шарнхорст знал, что не удастся избежать столкновения с наполеоновской Францией, и, пользуясь моментом, сделал важный шаг. Он направил Гарденбергу, сменившему Хаугвитца на посту министра иностранных дел, меморандум. Это событие интересно тем, что впервые старший офицер генерал-квартирмейстерского штаба попытался сыграть роль советника в решении политического вопроса.

Тем временем прусская армия была приведена в состояние боевой готовности, и летом 1805 года, душная атмосфера которого была насыщена ощущением надвигающейся опасности, Шарнхорст, приняв решение произвести рекогносцировку некоторых территорий, отдал распоряжение офицерам своей бригады провести первые штабные тренировочные разведывательные действия, составлявшие важную часть предложений Массенбаха. Позже эти так называемые разведывательные поездки Генерального штаба стали одной из важнейших составляющих действий прусского Генерального штаба.

В октябре австрийская армия под командованием Мака была окружена в Ульме. Армия Наполеона двинулась в Моравию, где в декабре австро-русская коалиция понесла полное поражение в битве при Аустерлице. Прусская идея сохранить вооруженный нейтралитет умерла, так и не реализовавшись. Австрия заключила мир с Францией. Наполеон объединил пятнадцать германских княжеств в Рейнский союз и очень ловко, чтобы оторвать Пруссию от Англии, предложил Пруссии в качестве приманки Ганновер.

Пруссия фактически оказалась в изоляции, а ее собственное неумение вести дипломатические переговоры завершило этот процесс. На стороне Пруссии остались только Саксония и Гессен-Кассель. В случае войны вряд ли можно было рассчитывать на помощь со стороны России. Теперь не приходилось возлагать больших надежд на прусско-австро-российское сотрудничество, и, кроме того, мобилизация преждевременно исчерпала прусские финансы.

⁵ Третий радующийся, т. е. лицо, извлекающее пользу из борьбы двух противников (*лат.*).

Штейн, находившийся с 1804 года на посту министра финансов, понял, что наступил решающий момент. Он отчаянно боролся за проведение радикальной реформы и отстранение безответственного правительства. Штейн практически подготовил нечто вроде дворцового переворота, рассчитывая на поддержку со стороны генералов и министров. К сожалению, только Рюхель, Блюхер и Пфуль приняли его сторону. Шарнхорст считал, что время для подобных действий упущено, поскольку, если можно так выразиться, в двери Пруссии стучится война. Возможно, он был умным и здравомыслящим человеком, хотя трудно представить, каким образом реформы могли привести к худшим последствиям, чем это произошло в действительности.

V

В августе 1806 года в Пруссии вновь была объявлена мобилизация. На скорую руку формировались дивизии. Однако генерал-квартирмейстерский штаб не имел реальной власти, а армия и дивизионные штабы страдали от нехватки практического опыта. Шарнхорст планировал сосредоточение сил, которые могли бы перейти в наступление против французской армии на Рейне или Майне, рассчитывая нанести упреждающий удар. Подобная стратегия, вероятно, была единственно возможной, поскольку давала выигрыш во времени, и появлялась вероятность дожидаться союзников. План Шарнхорста не получил поддержки. Было решено действовать испытанным «дедовским» способом, используя главную и две вспомогательные армии, которые должны были защищать Тюрингию и Гессен, территории союзников. Получилось, что и без того незначительные прусские силы были понапрасну растянуты и практически молниеносно рассеяны во время наступления. Когда Наполеон начал разворачивать силы на территории между рекой Зиг и Верхним Палатинатом (княжество в Германии), Шарнхорст вновь выступил с предложением перейти в наступление и быстрым ударом прорвать фронт противника. И опять он не смог отстоять свою точку зрения; виной тому красноречие Массенбаха. «Я знаю, что мы должны делать, – писал Шарнхорст 7 октября 1806 года своей дочери. – Но что мы будем делать – известно только Господу Богу». Итак, война, предпринятая в самых неблагоприятных условиях, велась самым неподобающим образом, и в конечном счете на данном историческом этапе дебют прусского Генерального штаба закончился провалом. По сути, в этом не было его вины, поскольку с самого начала высший офицерский состав разъехался по армиям, тем самым оголив штаб. Фон Гесау и фон Пфуль были прикомандированы к королевскому штабу, в котором генерал-квартирмейстерский штаб играл роль своего рода секретного отдела. Фон Массенбах стал начальником штаба у герцога Гогенлоэ, командующего одной из двух прусских армий в Тюрингии. Шарнхорста назначили начальником штаба у герцога Брунсвика, командующего второй прусской армией. Таким образом, фактически имелось три Генеральных штаба, ставка главнокомандующего, два командующих армиями, не говоря уже о генерал-адъютантском департаменте, который не считался ни с чьим, кроме собственного, мнением.

Большинство командующего состава отличалось непомерным самомнением. Мы с легкостью погоним из страны этих беспородных французов, писал Блюхеру Рюхель. Прусская армия берет с собой на войну ружья и сабли, сожалел он, но, чтобы прогнать французов, было бы достаточно одних дубин. Однако Блюхеру, видевшему неразбериху, царящую в рядах командного состава, было не по себе.

По общему признанию в битвах при Йене и Ауэрштедте пруссаки имели численное превосходство, и было совершенно ясно, что причиной разгрома прусской армии является неправильная стратегия руководства. Прусские войска располагались растянутой линией; бивуаки находились на большом расстоянии друг от друга. По замыслу Наполеона, его армия должна была выйти к Эльбе в тыл пруссакам с целью отрезать им путь к отступлению через реку.

Принц Луи, разгадав стратегию Наполеона, начал мощную атаку. Пруссаки наступали по всем правилам устаревшей линейной тактики: подойдя к неприятелю на определенное расстояние, они открывали массированный огонь без прицеливания. Тактика оказалась ошибочной, пруссаки потерпели поражение. Тем не менее даже Наполеон отдал должное принцу, принявшему героическую смерть на поле боя.

Но причина катастрофы заключалась не только в устаревшей тактике ведения боя. В основе полного разгрома прусской армии лежат три составляющие. Первое. Имея определенный шанс на успех, Гогенлоэ, стоявший у Йены лицом к лицу с главными силами противника, по непонятной причине не подготовился как следует к наступлению. Некоторым оправданием Гогенлоэ служит тот факт, что находившийся у него в тылу Брунsvик отдал приказ стоять в обороне. Отсюда плавно вытекает вторая составляющая. Брунsvик слишком долго не мог решить, то ли оставаться на месте, то ли переправляться через Эльбу. В результате оборонительная система Гогенлоэ сыграла роль заслона по отношению к главной армии, находящейся в тылу. Она была слишком обессилена, чтобы воспользоваться предоставленной возможностью и спастись бегством. А третья составляющая поражения связана с Рюхелем, который слишком поздно появился на поле боя. Задержка была связана с тем, против чего так яростно боролся Шарнхорст, – с излишней растянутостью прусских армий.

И вот что интересно. Наполеон считал, что основные прусские силы сосредоточены под началом Гогенлоэ у Йены, а не в окрестностях Ауэрштедта. Таким образом, маршал Даву, направленный Наполеоном к Ауэрштедту, столкнулся с главной прусской армией, но одержал победу, наголову разбив не только армию герцога Брауншвейгского, но часть армии Гогенлоэ, сбежавшей из-под Йены в надежде соединиться с армией герцога Брауншвейгского. Таким образом, два поражения, у Йены и Ауэрштедта, слились в одно. Шарнхорст был ранен, но остался в строю.

Унылый осенний вечер стал свидетелем бегства прусской армии. Среди солдат из Южной Пруссии и новых восточных прусских провинций, еще недавно бывших Польшей, были отмечены случаи мародерства. То тут, то там офицеры, вызывавшие особую ненависть, подвергались актам насилия.

В тот вечер Шарнхорст скакал на особенно непокорном коне. В темноте он отстал от королевского штаба. Судьбе было угодно, чтобы он встретился с Блюхером, который с остатками кавалерии пытался спасти тяжелую артиллерию. Грубый, необразованный, однако наделенный природным умом Блюхер первым оценил высокую подготовку и профессиональные качества начальника штаба. Блюхер отступал через Гарц к Мекленбургу. Армия Блюхера во время отступления отвлекла значительные силы французов, не позволив им решить основную задачу по оккупации восточных прусских территорий, но что, пожалуй, самое главное, во время этого перехода Шарнхорст превратился в незаменимого советника Блюхера. Это был первый пример плодотворного сотрудничества, который вновь и вновь повторялся в истории прусской и германской армий, – сотрудничество между одаренным от природы командующим и получившим специальное образование начальником штаба. Финальную стадию развития этого процесса представляют Гинденбург и Люден – дорф, Макензен и Сект. В конце концов, в связи с нехваткой боеприпасов и продовольствия, Блюхер и Шарнхорст были вынуждены сдать. Это произошло в Ракау, недалеко от Любека. Они были практически единственными, кто в горький час поражения сумел сохранить честь прусской армии.

В остальном же история была в равной степени и жалкой, и позорной. В Магдебурге капитулировал генерал Клейст с двадцатичетырехтысячной армией, а бывший реформатор, генерал Лекок, сдался в Гамлине. Укрепленные крепости Кюстрин и Штеттин⁶ сдались без боя.

⁶ Штеттин – немецкое название польского города Щецин.

Князь Гогенлоэ с остатками армии в двенадцать тысяч человек сложил оружие в Пренцлау. На этот шаг его толкнул фон Массенбах, к тому моменту окончательно потерявший голову.

Когда известие о разгроме прусской армии дошло до Берлина, министр фон дер Шуленбург не нашел ничего лучшего, как официально объявить, что его величество потерпел поражение и первейший долг граждан сохранять спокойствие. Дитрих фон Бюлов, узнав о двойном разгроме, позволил себе следующее высказывание. Это, заявил он, естественное следствие некомпетентности и закрытости генералитета. Он был не так уж не прав, но в те времена в Пруссии было слишком опасно оказаться правым в оценке подобных проблем. За критику не прусской монархии, а короля, который, как утверждал Бюлов, в битве при Аустерлице не сделал всего, что требовалось, Бюлов пришел к неизбежному концу. Его заключили в тюрьму, а вскоре по требованию монарха подвергли экстрадиции. Он умер по пути в Сибирь вследствие жестокого обращения со стороны казаков.

VI

Старый порядок продемонстрировал полнейшую несостоятельность. Выяснилось, что он не способен ни принимать решения, ни осуществлять руководство. Теперь он растерял остатки уважения со стороны рядовых граждан. Создалось положение, при котором рядовой пруссак зачастую получал удовольствие от ниспровержения властных структур. В Силезии дворянство больше опасалось негодования своих угнетенных крестьян, чем французского вторжения.

Наступил мрачный час прусской истории. Двор сбежал в Восточную Пруссию. Французские армии наводнили прусские доминионы. Штейн на основе английской модели составил план формирования достойного, отвечающего за свои действия правительства. По всей видимости, многие считали, что наступил момент согласовать абсолютную монархию Гогенцоллернов, которая поднялась как воинствующая сила, вскормленная на бесплодной почве восточных равнин, с армией и германским духом. Но даже теперь нерешительная монархия не могла набраться решимости и развязать Штейну руки для улаживания внутренних дел. Поскольку Штейн продолжал настаивать на своих требованиях, его предпочли уволить.

Внешние дела выглядели не менее безнадежно. Поддержки, обещанной монархом, оказалось недостаточно. Польские области были охвачены восстанием, и, несмотря на зиму, во время которой обычно прекращались боевые действия, французские армии готовились к наступлению на Кенигсберг.

В военной сфере царил полнейший хаос. Поскольку никто до конца не понимал функций генерал-квартирмейстерского штаба, он, фактически, оказался не у дел. Гесау был временно отстранен от командования. Массенбах находился во французском плену. Пфуль поступил на службу к русским. Начальник штаба, генерал фон Лоуренс, бессмысленно сидел в Кенигсберге. Генерал-адъютант фон Кокритц, старый и недалекий (если не сказать – туповатый), был единственным человеком, чьи советы король согласился выслушивать.

Произошел обмен военнопленными. Вернулся Шарнхорст, и его направили служить к генералу Лестоку, командующему специальным корпусом в Восточной Пруссии. Однако Шарнхорста назначили не начальником штаба, а военным «помощником» (Assistent), хотя до этого момента подобная должность без ясно очерченного круга обязанностей не была известна. Шарнхорст приобрел известность благодаря прекрасным личным качествам. Когда Беннигсен попытался приостановить продвижение французов в Эйлау, Шарнхорст выступил с прусским корпусом. Он провел войска сквозь буран и с фланга атаковал врага. Этот маневр решил исход битвы. Несмотря на серьезные потери, пруссаки и русские не отступили, но русский командующий не смог воспользоваться полученным преимуществом. Поражение при Фридланде летом 1807 года окончательно решило судьбу государства Гогенцоллернов. Русский царь оставил в беде прусского союзника и подписал Тильзитский мир. Большая часть прусской территории

была оккупирована французскими войсками, а период оккупации был поставлен в зависимость от уплаты контрибуции, размеры которой не были определены.

Сложившееся положение было невероятно унижительным, но в то же время явилось поворотной точкой, послужило обновлению общественной атмосферы, а именно – появлению партий, до того момента беспрецедентного события в истории Пруссии. Их формирование имело скорее военно-бюрократическую, нежели политическую подоплеку, что было естественно для Пруссии. Вернувшись из плена, Массенбах, вместе с известным членом военного совета, Фредериком фон Колином, занял положение своего рода руководителя направления, критикующего систему, в отличие от тех, кто поддерживал нововведения, таких, как Шарнхорст, Бойен, Грольман, Клаузевиц и, в первую очередь, лейтенант-полковник фон Гнейзенау, создавший имя храброй защитой Кольберга.

Массенбаху было не дано почувствовать себя триумфатором в деле, с которым он в значительной степени, даже если и не всегда удачно, отождествлялся. Он рано вышел в отставку, навсегда покончив с военной карьерой. Массенбаха погубило собственное непостоянство. Даже возглавляя реформаторскую партию, клеветническими выпадами он в значительной степени наносил вред собственному делу. Его откровенно ненавидели за невыносимый догматизм. Кроме того, во время последней кампании его поведение явно не внушало доверия. Он отошел в тень истории. Патетическая фигура, которой потомки, возможно, не в полной мере воздали по заслугам за роль, правда, весьма незначительную, в планировании грандиозной системы.

Тем временем, хотя Наполеон настоял на увольнении из армии Гарденберга, группа реформаторов смогла заставить короля вернуть на службу Штейна. Это произошло в июле 1807 года, и в том же месяце была сформирована комиссия по реформированию армии, в которую были приглашены Шарнхорст, Гнейзенау, Массенбах, генерал-лейтенант фон Брониковский и недавно назначенный на должность генерал-адъютанта князь фон Лоттум.

В задачу комиссии входило устранение из армии так называемых «недостойных элементов» и создание боеспособных войск, удовлетворяющих требованиям современной войны. Со временем эта цель в значительной степени была достигнута, причем имел место беспрецедентный в истории армии случай самоочищения офицерского корпуса. Было рассмотрено поведение всего высшего офицерского состава во время войны. Часть офицеров была подвергнута дисциплинарным взысканиям, некоторых уволили из армии, а кто-то по приговору суда отбывал срок наказания в крепости.

Шарнхорст разработал детальную программу реформирования. Он планировал заменить сверхсрочную армию постоянной, на основе всеобщей воинской повинности, ввести для офицеров возрастной и образовательный ценз, позволить выходцам из буржуазии получать офицерские звания, причем не в порядке исключения, как это было во времена Фридриха Великого. Реформа предусматривала отмену телесных наказаний. Офицерам было предложено человечнее обращаться с солдатами, не пренебрегать приличиями и уважением по отношению к гражданским лицам. Армия Шарнхорста должна была, прежде всего, служить народу, а не королю. Следовало разбудить патриотизм и чувство национальной ответственности, а этого, по мнению Шарнхорста, можно было добиться только с помощью введения всеобщей воинской повинности.

В планы Шарнхорста входило создание Генерального штаба армии, имеющего четыре отделения. Первое предназначалось для выработки стратегии и тактики, второе – для решения внутренних вопросов, третье – для решения вопросов, связанных с пополнением, четвертое – для обеспечения военным снаряжением. Штабы дивизий также должны были состоять из четырех отделений. Можно сказать, что эта модель послужила основой для формирования Большого Генерального штаба (Abteilungen), включавшего различные отделения. Далее. Королевский картографический отдел, занимавшийся составлением военных карт, должен был

отойти в подчинение Генерального штаба. Фактически, высшей властью должно было стать военное министерство, которому бы подчинялись генерал-квартирмейстерский штаб и генерал-адъютантский департамент.

Понятно, что королю не пришлось по вкусу подобное посягательство на его права, но отсутствие энтузиазма со стороны короля было всего лишь одним из числа препятствий, стоящих на пути внедрения в жизнь новых предложений. В число препятствий входили сложное географическое положение страны, сомнительное состояние ее финансов, разоренное сельское хозяйство, составляющее основу прусской экономики, и, главное, полная неопределенность относительно будущего: в любой момент Наполеон мог одним росчерком пера покончить с прусским государством. Кроме того, проведению реформ всячески препятствовали старые прусские юнкеры, нашедшие сторонников в лице генерала фон Йорка и особенно в лице дворянина из Бранденбурга Фридриха Августа Людвига фон дер Марвиц ауф Фридерсдорфа. Эти твердолобые консерваторы придерживались идеи, что первейшая функция армии состоит в решении задачи обеспечения средствами к существованию сыновей обедневшего прусского дворянства, которым король по-прежнему должен предоставлять возможность получения образования в военных школах. Офицерский корпус должен оставаться закрытым обществом, чья исключительность не должна подвергаться опасности внедрения буржуазно-либеральной системы образования. Борьба в армии между этими двумя течениями заняла все XIX столетие.

Реакционеры, рассматривая вопрос реформирования армии под собственным углом зрения, продемонстрировали особую враждебность в отношении функций предложенного Шарнхорстом Генерального штаба. В программе Шарнхорста эти люди усматривали особый акцент на образовании и культуре, что было глубоко чуждо прусским офицерам старой школы. Кроме того, дворянство Померании протестовало против введения всеобщей воинской повинности, называя ее «революционным равенством торгашей». Реакционеры считали, что вооруженные подданные поднимут революцию, и, вообще говоря, король разделял эту точку зрения. На Шарнхорста и Гнейзенау навесили ярлык «якобинцев».

Но это были только цветочки на пути к достижению либерализации и созданию действительно конституционной монархии, которая могла бы послужить моделью для германских государств. Но кое-что все-таки удалось сделать. Штейн смог добиться отмены крепостного права, но представительное правительство осталось на уровне мечты, впрочем, как и оплот старого прусского феодализма, судебная власть юнкеров, и их право содержать собственную полицию. В военной сфере Шарнхорст умудрился получить одобрение на реконструкцию офицерского корпуса. После Йены исчезла глубокая пропасть, разделявшая простых граждан и офицеров. В старые «гармоничные» времена общество, к которому принадлежали богатые и образованные круги Магдебурга, взяло за правило «собак и офицеров не впускать». Теперь, когда сыновья незнатных людей могли стать офицерами в любых родах войск, рухнул барьер недоверия. Получение офицерского звания стало зависеть от способностей конкретного человека, а не от его происхождения, и могло показаться, что в обществе прежнее чувство кастовой принадлежности уступит место идеям равенства. Для поколений германской буржуазии получение офицерского звания превратилось в символ повышения социального статуса, и они ставили его намного выше предоставления политических прав и политической власти. Способы, которые использовала буржуазия для возрождения армии, не всегда были безукоризненными; она создала свой миф и настойчиво отстаивала свои права. Экспансионистские идеи, вроде современных пангерманских, оказывали гораздо меньшее воздействие на офицерский корпус, чем считают многие иностранцы; причина крылась, по всей видимости, в буржуазном происхождении.

Шарнхорсту приходилось бороться не только с традиционалистами. Будучи реформатором, он в то же время являлся спасителем старого офицерства. Шарнхорст решительно про-

тивился всем планам радикальной демократизации армии. Было время, когда Шарнхорст не столь решительно выступал против идеи выборности офицерского состава. Однако стоило Гарденбергу выдвинуть идею о выборных должностях в армии (солдаты избирают унтер-офицеров, а те, в свою очередь, младших офицеров), как Шарнхорст увидел в этом опасность для основных принципов построения армии и убедил комиссию по реформированию армии отклонить данное предложение. Шарнхорст страстно отстаивал точку зрения, что для каждого гражданина ношение оружия является делом чести, и именно это убеждение подвигло его к отмене позорных телесных наказаний в армии. Он был твердо уверен, что гарантия прочной нравственности армии заключается не в принятии выборной системы, а в обеспечении жесткой дисциплины.

Сущность плана Шарнхорста состояла в разумном сочетании постоянной армии с всеобщей воинской повинностью. Армия, основанная на принципе строгого подчинения законной власти, должна была стать общегосударственной школой, но, хотя в конечном итоге была принята концепция Шарнхорста, идея о менее авторитарной организации полностью не исчезла. Во время освободительных войн предпринималось несколько попыток ввести избирательную систему в прусский ландвер (Landwehr). Впоследствии основным пунктом Эрфуртской программы германской социал-демократической партии стал пункт о преобразовании постоянной армии в ландштурм. Само собой разумеется, что на протяжении всего времени Генеральный штаб, употребив всю силу своего влияния, настаивал на дисциплинированной постоянной армии.

Шарнхорст четко сформулировал понятие об армии мирного времени, состоящей из дивизий, представленных всеми родами войск. Поскольку финансовое положение Пруссии не позволяло содержать большую армию, были созданы подразделения сокращенной численности под названием бригады. Каждой области придавалась одна из таких бригад, а офицеры Генерального штаба прикомандировывались к бригадным штабам. Так были заложены основы оперативного Генерального штаба (Gruppengeneralstab), не имевшего аналогии и работавшего в действующих армиях.

Король, исходя из соображений внешней и внутренней политики, по-прежнему возражал против введения всеобщей воинской повинности. Перед Шарнхорстом встала проблема резерва. Он попытался сформировать резерв из добровольцев, прошедших краткосрочную службу в армии, – «крюмперов» (Krümpers)⁷. Они предшественники временных добровольцев (Zeitfrewillige) периода рейхсвера и заложили основу территориальной армии, которая, в свою очередь, явилась черновым наброском для создания постоянной армии.

Мы уже упоминали о борьбе Штейна с королевским консультационным кабинетом и генерал-адъютантским департаментом. Мы помним, что он пытался заменить их сформированным на основе английской модели правительством, несущим ответственность за свои действия, и разработал план по созданию трех департаментов, которые должны были функционировать в рамках этой системы. По требованию Наполеона Штейна отправили в отставку, но Шарнхорст был в состоянии продолжить процесс преобразования бесполезного Высшего военного совета в военное министерство. Это было важное дело, и он уделял ему серьезное внимание. Если сначала Наполеон, считая, что разоренная страна не будет представлять никакой опасности, не ограничил численность прусской армии, то теперь у него возникли подозрения, что все не так просто, и он настоял на сокращении армии до сорока двух тысяч человек. Предполагалось, что новый министр сыграет решающую роль, поскольку будет выходцем из высшего офицерского состава типа Грольмана, Гнейзенау, Бойена или Шарнхорста, то есть из тех, кто поддерживал идею радикального реформирования армии.

⁷ Krümpersystem – созданная в 1808–1812 гг. Шарнхорстом система призыва «короткослужащих» солдат-резервистов для усиления войск во время военных действий.

В новое министерство входило два ведомства: главный военный департамент, осуществлявший общее руководство армией, и экономический департамент, решавший административно-хозяйственные вопросы. Военный департамент состоял из трех «отделов». Первый, под руководством Грольмана, принял на себя функции прежнего военного кабинета и генерал-адъютантского отдела, и в частности все дела, связанные с офицерским составом. Второй отдел, сформировавший Генеральный штаб, оказался в руках Бойена. Старый генерал-квартирмейстерский штаб упразднили. Шарнхорст отводил второму отделу особое место, поскольку видел в нем интеллектуальный центр армии и место обучения высшего офицерского состава. Гнейзенау, руководивший инженерным корпусом, возглавил третий отдел. Как ни странно, но Шарнхорста не сделали военным министром, хотя это было бы весьма разумно, и сам Шарнхорст наверняка этого ожидал. Однако министерский пост занял князь Лоттум, доверенное лицо короля. Возглавив главный военный департамент, Шарнхорст испытал сильное разочарование, поскольку военный министр фактически стал начальником Генерального штаба.

Назначив капитана фон Клаузевица начальником своей канцелярии, Шарнхорст энергично взялся за решение собственной задачи. Его цель оставалась неизменной, и следует отметить, что на протяжении всего времени военная и политическая реформы были просто двумя аспектами одной проблемы, неотделимыми одна от другой. Ему виделось слияние армии с народом, превращение субъекта в гражданина, который не только должен защищать страну, но может с помощью выборных представителей решать ее судьбу. Шарнхорст преследовал великие цели. Гнейзенау и Бойен настаивали на создании представительной ассамблеи, и делали это со всей страстью, на какую были способны. Они руководствовались не только внутривнутриполитическими соображениями, мечтая обрести источник духовных сил для борьбы против тирании Наполеона. Символично, что Грольман стал активным членом тайного общества «Союз добродетелей» («Тугенбунд»), созданного с целью возрождения «национального духа» после разгрома Пруссии Наполеоном.

У разных людей были разные представления относительно характера будущих событий. Кто-то считал, что успех кроется во всеобщей мобилизации населения по типу французской, успешно использованной против коалиции в 1792 году. Некоторые вспоминали Вандею как центр контрреволюционных выступлений в период французской революции. Внимание наиболее многочисленной группы было приковано к борьбе испанцев в 1808 году против оккупации Наполеона, которая велась с помощью добровольцев и массированного налогообложения.

В отличие от Гнейзенау Шарнхорст целиком посвятил себя образовательной деятельности. Теперь три военные школы выпускали высококлассных офицеров. По его предложению в Берлине была открыта Военная академия. И вновь руководство этими образовательными учреждениями и ответственность за военное образование в целом было возложено не на «якобинца» Шарнхорста, а на представителя старой школы, генерал-майора фон Дерке. Довольно любопытно, что лучший класс Военной академии, основанной в 1810 году, получил название «Генеральный штаб», несмотря на то что в действительности подобные вопросы относились к компетенции второго отдела военного департамента. Шарнхорст был просто обязан лично руководить этим лучшим классом, или «избранными».

VII

Настоящие либералы вроде Бойена и Гнейзенау остро воспринимали социально-нравственное значение реформ и столь энергично взялись претворять их в жизнь, что на начальном этапе вошли в конфликт с королем. Трезвомыслящий, неэмоциональный, лишенный воображения король с большим недоверием относился к идеям реформаторов поднять народную войну против Наполеона. У короля была единственная цель – сохранить династию.

Когда в 1809 году Австрия, посчитав невыносимыми мирные условия, принятые в Прессбурге (Братислава), начала новую войну против Наполеона, Шарнхорст и Гнейзенау решили, что пора приступить к активным действиям. Король категорически отказался разделить их точку зрения. Тогда Грольман ушел в отставку и уехал сначала в Австрию, а позднее в Испанию, где сражался против Наполеона в иностранном легионе. Гнейзенау тоже ушел в отставку, но остался в Пруссии в качестве секретного агента; в Лондоне и Санкт-Петербурге он собирал информацию относительно возможностей наполеоновской армии. Король полагал (беспристрастный критик вряд ли найдет в этом состав преступления), что попытка Пруссии оказать поддержку Австрии, в то время как французы по-прежнему занимают прусские территории, будет означать политическое и военное самоубийство.

Конечно, прусские патриоты были не правы в своей поспешности. Еще не пришло время для решительных действий. Однако, хотя реформаторы зачастую были близки к тому, чтобы потерять терпение, слухи о предполагаемом восстании (считалось, что Шарнхорст имеет к этому отношение) были беспочвенными. Известно, что некий майор фон Шилль, командуя полком бранденбургских гусар, по собственной инициативе выступил из Берлина. Рискованное предприятие закончилось плачевно. Не получив ожидаемой поддержки, он нашел смерть в Штральзунде. Но это единичный случай. Нет необходимости придавать слишком большое значение неоднократным заявлениям Гнейзенау, что, если король упорно отвергает требования реформаторов, его должен сменить младший брат, принц Вильгельм. Подобные взрывы негодования обычно не оправдывали ожиданий. Любая мысль о военном перевороте была не утопической, а невообразимой. Прусские офицеры были верны присяге, данной королю, каким бы ни было их личное мнение относительно его действий. Пруссия это вам не Испания.

Однако вся эта болтовня о якобинской революции имела печальные последствия для Шарнхорста. Его влияние резко уменьшилось, и в результате он был смещен с поста начальника главного военного департамента. Но даже в этом случае граф Хаке, его преемник, преданный и исполнительный чиновник, снискавший особую благосклонность короля, получил приказ держать Шарнхорста в курсе всех важных дел.

Следующий 1811 год явился переломным. Русский царь отказался от политики континентальной блокады, и Наполеон принял решение о завоевании его империи. Итальянцы, португальцы, датчане, германцы были объединены под французским флагом в этом крестовом походе против России. На тот момент европейская история не знала более масштабного военного предприятия, чем затеянное Наполеоном выступление против огромной северной страны. В 1810 году Гарденберг опять занял место канцлера и столкнулся с требованием Наполеона о заключении союза и предоставлении армейского корпуса.

Вместо этого Шарнхорст отправился в Санкт-Петербург для проведения переговоров о союзе с Россией. Пруссия занялась секретными приготовлениями. Король впервые объявил, что в связи со сложившимся международным положением он готов согласиться на введение всеобщей воинской повинности. Тем временем Австрия после поражения при Ваграме и Асперне вновь стала союзницей Франции (была вынуждена заключить мир с Францией) и обратилась к Пруссии с просьбой о предоставлении армейского корпуса, а также налаживании его снабжения. Пруссии ничего не оставалось, как отступить перед лицом превосходящей силы. Король с Гарденбергом решили временно согласиться с требованиями французов, поэтому, когда Шарнхорст, достигший блестящих успехов на переговорах в России, вернулся в Пруссию, он был поставлен перед *fait accompli*.⁸ отказом признать его заслуги. Выразивший несогласие с подобной постановкой вопроса Бойен ушел в отставку. Клаузевиц и значительная часть офицерского корпуса отказались сражаться под французским флагом и поступили на службу в русскую армию. Шарнхорста фактически отстранили от выполнения служебных

⁸ Свершившийся факт (*фр.*).

обязанностей и в конечном итоге отправили в Силезию инспектировать крепости. По стечению обстоятельств он встретился там с Блюхером, по требованию Наполеона снятым с должности командующего войсками в Померании, поскольку он якобы тайно занимался перевооружением армии. Начальником штаба был назначен полковник фон Раух.

Генерал Йорк, типичный представитель старых прусских традиций, отвечал за отправку во Францию прусского армейского корпуса. После неудач, постигших Наполеона в России, когда в последние дни 1812 года его могущественная армия, не выдержав лютых морозов, обратилась в беспорядочное бегство, Йорк принял историческое решение. Он заключил соглашение с вражеским командующим фон Диблицем (его адъютантом был не кто иной, как Клаузевиц), тем самым взяв на себя ответственность за разрыв отношений с Францией, и предоставил войска в распоряжение русского царя. Так зародилось прусско-русское сотрудничество, которое на протяжении трех поколений определяло методы европейской политики и заложило основы политики рейхсвера после Первой мировой войны.

Действия Йорка открыли путь для подъема Пруссии. Теперь, когда Йорк навел мосты и гарантировал сотрудничество с русскими, король прекратил бесполезное сопротивление. Он лично прибыл в Бреслау, место пребывания патриотов и реформаторов, будучи готовым уступить их требованиям. Успех Шарнхорста измерялся принятием в марте всеобщей воинской повинности и созданием ландвера.

Тем временем был создан и Генеральный штаб, подтвердивший в 1813 году, во время освободительных войн, свою действенность. Командующие прусскими армиями в Бранденбурге и Силезии впервые стали получать надежную информацию от начальника штаба. Характерной особенностью новой организации являлось то, что, пока командование армией осуществлял сильный, надеющийся исключительно на собственные силы человек, штабные офицеры оставались в тени. Шарнхорст страстно желал выступать в роли главнокомандующего на полях сражений, однако с тяжелым сердцем подчинялся этому неписаному закону анонимности. Пренебрегая собственными эмоциями, он предложил Блюхеру занять место командующего в Силезии. Блюхер благодаря манерам «человека из народа» пользовался значительно большей популярностью, чем Шарнхорст. К тому же он был талантливым командиром. Шарнхорст довольствовался должностью начальника штаба, а вот Гнейзенау, вернувшись из Лондона, принял пост первого офицера Генерального штаба. Удивительный контраст составляла эта пара: непосредственный, энергичный, порывистый Блюхер и Шарнхорст, сдержанный, эрудированный, идеальный пример для подражания в деле воспитания начальников штабов. Он, главным образом оставаясь в тени, давал советы, информировал и направлял.

В тесном сотрудничестве с Гнейзенау Шарнхорст составил оперативный план для прусско-русских армий на весну 1813 года. План предусматривал наличие главной армии и двух фланговых подразделений. Одна из фланговых армий под командованием русского генерала, князя Петра Витгенштейна, должна была выступить из Померании через Берлин на Магдебург, а вторая – из Силезии через Лаузиц в Саксонию, чтобы занять Дрезден. Находящаяся в центре главная армия должна была отставать от фланговых армий приблизительно на трехдневный марш. В этом случае одна или другая армия, по ситуации, могла прийти на помощь главной армии. План осенней кампании, составленный Гнейзенау, тоже был основан на принципе разделения армии на составные части во время концентрического наступления для проведения общевойсковых боев. Надо было отличиться особой смелостью, чтобы использовать подобный принцип в сложившихся на данный момент условиях. Отвратительные дороги, недостаток транспортных средств делали любое предприятие невероятно опасным. Только появление железнодорожного транспорта позволило Мольтке в полной мере обратиться в своих планах к принципу «разделения на марше, объединения в бою».

Крупные сражения в период весенней кампании у Лютцена и Бауцена показали, что пока объединенных усилий прусских и русских армий не достаточно для того, чтобы побе-

доть непревзойденного мастера военного искусства. Шарнхорст понимал, что для решения проблемы необходимо заставить Австрию принять участие в войне. Не обращая внимания на ранение в ногу, в мае 1813 года он отправился в Вену для ведения переговоров. По распоряжению Меттерниха Шарнхорст был задержан в Праге. Меттерних, строго придерживавшийся принципа европейского равновесия сил, понимал, насколько большую опасность, чем существование империи Наполеона, представляет для монархии Габсбургов усиление Пруссии и России. Меттерних выразил желание выступить посредником между воюющими сторонами, и в настоящий момент Наполеон был готов пойти на уступки. Наполеон нуждался в передышке для восстановления и перевооружения армии. Вот почему после сражения у Бауцена он согласился на перемирие.

Состояние здоровья Шарнхорста резко ухудшилось; у него начался сепсис. Шарнхорст умер 28 июня в Праге, всеми забытый. На протяжении всей жизни он испытывал чувство одиночества; может, виной тому его нижнесаксонское происхождение. Ему было не дано увидеть воплощение своих замыслов, но он указал путь, по которому следовало идти. Благодаря присутствию ему качеств: справедливости, неподкупности, скромности, самоотверженности, храбрости – Шарнхорст сильно отличался от многих пришедших ему на смену.

VIII

В августе после окончания сроков перемирия вновь возобновились военные действия. На этот раз к коалиции, в состав которой входили Россия, Пруссия, Англия, примкнула и Австрия. Теперь на пост начальника Генерального штаба заступил Август Вильгельм фон Гнейзенау, человек совершенно не похожий на Шарнхорста. В отличие от молчаливого, эрудированного Шарнхорста («книжный червь из Ганновера», называли его прусские офицеры) Гнейзенау имел вспыльчивый, можно даже сказать, буйный характер. Этот человек, одаренный большими способностями, прекрасный стратег, обладал острым умом и сильной волей. От франкских и австрийских предков он унаследовал круглую голову, толстые щеки, решительный рот и насто-роженный взгляд. Как-то он написал, что был св. Петром Шарнхорста (Клаузевиц утверждал, что был Иоанном Крестителем Шарнхорста). Хотя Гнейзенау говорил, что по отношению к Шарнхорсту испытывал те же чувства, что пигмей по отношению к великану, он великолепно осознавал собственные способности и тяжело переживал анонимность офицеров Генерального штаба.

Новое поколение офицеров Генерального штаба внесло изменения в прусскую армию. Гнейзенау являлся начальником прусского Генерального штаба и советником Блюхера. Бойен был начальником штаба у генерала фон Бюлова (брата незадачливого Дитриха Генриха фон Бюлова), командующего войсками северной армии. Грольман стал начальником штаба у генерала фон Клейста, командующего главной армией в Богемии. Люди подобные им олицетворяли новое поколение штабных офицеров. Гнейзенау разработал концепцию коллективной ответственности начальников штабов за любые решения, принимаемые командующими армиями. Он преследовал цель (и это имело первостепенное значение) обеспечить духовное единство Генерального штаба, тем самым давая ему возможность выступать как единый организм против армейских начальников, упрямых и несговорчивых. В случае возникновения разногласий между начальником штаба и командующим армией начальник штаба мог обратиться напрямую к начальнику Генерального штаба.

Гнейзенау создал типично прусскую, безупречную систему руководства армией. Он разработал серию директив, которые давали возможность подчиненным проявлять личную инициативу. Способность быстро осваиваться в любой обстановке, гибкость ума в сочетании с непреклонной решимостью и упорство в достижении главной цели – все это, фактически, были составляющие системы Фридриха Великого, ведь, как мы помним, эпоха массовых армий

потребовала деления на корпуса и дивизии и, соответственно, культивирования перечисленных выше качеств.

Школа мысли Гнейзенау оказала большое влияние на развитие союзнической русской армии. Уже при Екатерине Великой главный штаб приобрел важное значение. В основном штаб состоял из офицеров германского происхождения и образования, и его растущее значение было обусловлено тем обстоятельством, что женщина не могла вести военные действия. В 1813 году великолепно обученные в Пруссии офицеры Генерального штаба оказывали неоценимую услугу русской армии. Среди них были такие личности, как полковник Хофман, начальник штаба князя Вюртембергского, полковник фон Лютцов, начальник штаба кавалерийского корпуса графа фон дер Палена, и Клаузевиц, офицер связи в штабе Блюхера.

Грубо говоря, стратегия Гнейзенау, имевшая серьезное политическое значение, заключалась в следующем: безжалостное использование национального потенциала (Гнейзенау пытался применить этот принцип при формировании ландвера в период перемирия); поиск всех доступных средств для полного уничтожения вражеских сил; использование во всех оперативных планах стратегии окружения. Отсюда становится ясно, что Гнейзенау не только решил проблему, связанную с наступательной тактикой армии Наполеона, но и стал духовным отцом тактики, связанной с окружением армии противника.

Однако Гнейзенау, Бойен, Грольман и Раух не были ограниченными людьми, компетентными только в военных вопросах. Высокоодаренные, можно сказать, талантливые люди, они были тесно связаны с духовной жизнью своего времени. В их глазах война, принявшая новую форму народной войны, могла быть оправдана только в том случае, если она приводила народ к духовной и политической свободе. Гнейзенау намеренно проводил различие между кабинетной войной, которую вели монархи в XVIII веке, и современной войной государств. Не случайно он причислял Штейна к своим друзьям. Необходимо, считал он, чтобы современная война стала освободительной войной для всех европейских государств, что приведет их к дальнейшему развитию. Его идеи относительно парламентаризма Гогенцоллернов были гораздо более радикальными, чем у Штейна, который пока еще до некоторой степени находился в плену старых порядков, и даже Шарнхорста, который никогда не испытывал особого интереса к внутренней политике. Гнейзенау наверняка вызывал у Фридриха-Вильгельма III некоторое раздражение.

История Гнейзенау довольно любопытна. Он происходил из благородного, но обедневшего рода, носившего фамилию, полученную по названию замка Гнейзенау, недалеко от Эфердинга в Верхней Австрии. Его отец был лейтенантом в саксонской артиллерии. Мать, дочь артиллерийского офицера (человека незнатного происхождения), сопровождала мужа во время Семилетней войны и во время отступления из Торгау умерла сразу после рождения сына. Отец Гнейзенау перебрал множество профессий, в том числе был топографом и архитектором. Он вновь женился и последние годы жизни работал инспектором по строительству в Эрфурте. Осиротевший мальчик, без средств к существованию, рос в жалкой нищете среди простолюдинов, пока богатые родственники из Вюрцбурга не взяли его под свое крыло. После краткосрочной службы в гусарском полку в Австрии в 1782 году он прибыл в Канаду. Однако Версальский мирный договор завершил Войну за независимость в Северной Америке прежде, чем лейтенант Гнейзенау получил возможность принять участие в боевых действиях.

Тогда Гнейзенау поступил на службу в прусскую армию, в надежде получить пост в генерал-квартирмейстерском штабе. Но его надежды не оправдались. На протяжении двадцати лет Гнейзенау служил младшим офицером в маленьких гарнизонах в Силезии. Только в 1807 году успешная оборона Кольберга явилась стартовой площадкой для его продвижения по службе. Спустя какое-то время мы находим Гнейзенау в комиссии по реорганизации армии и в военном ведомстве, сражающемся с ветряными мельницами прусской реакции. Затем он был отправлен в Англию, откуда вернулся с твердой верой в английский либерализм и в принципы консти-

туционной монархии, добавив военный опыт к имевшимся у него большим способностям к военному делу и политической интуиции.

IX

Генеральные стратегические планы осенней кампании 1813 года и зимней кампании 1814 года в значительной степени являлись плодом деятельности Гнейзенау. Оперативный план осенней кампании с наибольшей очевидностью отразил его способности к решению стратегических задач. Проблема, с которой столкнулись союзники, заключалась в следующем. Наполеон занял позицию на Эльбе; с правого фланга до крепости Кенигштайн и гор Северной Богемии, а с левого фланга через крепости Магдебург и Виттенбург до Гамбурга. В центре находился укрепленный Дрезден. Наполеон, имея полумиллионную армию, словно огромным щитом укрылся этим бесконечным развернутым строем от смертельных ударов, которые могли быть направлены в сторону Вены и Берлина.

Фронт был слишком растянут, и маршалы убеждали Наполеона выстроиться не вдоль Эльбы, а по Саару или Рейну. Но Наполеон рассудил, что невозможно обойти четырехсоттысячную армию, занявшую опорные пункты на такой реке, как Эльба. Действительно, линия фронта была настолько протяженной (и укрепленной), что враги не могли обойти ее с фланга, не подвергнув себя огромному риску излишне рассредоточить войска.

Наполеон прекрасно представлял, какую сложную проблему он поставил перед врагом. Союзникам пришлось растянуться по длинной дуге, и Наполеон разумно предположил, что рано или поздно они совершат неверный шаг и он сможет их постепенно уничтожить.

Силы союзников были сгруппированы в составе трех армий: северной – под началом шведского наследного принца, состоявшей из прусских и шведских войск и базировавшейся в Бранденбурге и Померании; силезской, состоящей из пруссаков и русских, под командованием Блюхера, и главной армии под командованием Шварценберга – прусско-русско-австрийской, базировавшейся в Богемии.

Командующие армиями коалиции зачастую не могли прийти к общему знаменателю. Шведский наследный принц, по политическим соображениям, не испытывал желания двигаться вперед; австрийский командующий был приверженцем стратегии старой школы. Это весьма устраивало Гнейзенау, поскольку силезская армия получала значительную оперативную свободу. Несмотря на явное противодействие со стороны штабов союзных монархов и тот факт, что царь и фон Шварценберг считали, что имеют законное право осуществлять руководство ключевыми операциями, Гнейзенау настоял на своем. Блюхер и Гнейзенау получили возможность действовать сообразно обстановке.

Союзники преследовали единую стратегию, и следует отдать должное гению Гнейзенау, что его понимание этой стратегии выражалось в каждом сделанном им шаге. Союзники надеялись, что им удастся в какой-то момент заставить Наполеона открыться, и тогда они нанесут решающий удар. Но до того, как это произойдет, неизбежен период ложных атак и маневрирования, период, в течение которого им придется уклоняться от вражеских ударов, однако врагу эти удары должны доставаться, по возможности, дорогой ценой.

Блюхер четко придерживался данной стратегии. Когда Наполеон атаковал его в Ловенберге, Блюхер отступил в Силезию, а затем блестяще нанес ответный удар по Кацбаху, находившемуся на значительном расстоянии от вражеской базы. На протяжении августа союзники настолько успешно следовали выработанной тактике, что на периферии Наполеон даже потерпел ряд поражений. Однако он прочно удерживался в центре и наносил больше ударов, чем терпел поражений. Наполеон отбил атаку Шварценберга на Дрезден с помощью быстрого сосредоточения сил.

Далее последовали два события. В Кульме прусские силы под командованием Клейста, продемонстрировав блестящие тактические действия, спасли Шварценберга от полного поражения и сдержали натиск Наполеона. Второе событие было связано с предложенной Гнейзенау передислокацией южной армии, двинувшейся через правый фланг Наполеона к Лейпцигу, в то время как силезская армия под командованием Блюхера пересекла Эльбу у Виттенберга. Наполеон немедленно отреагировал на действия со стороны врага, которого он не сумел полностью уничтожить и теперь получившего поддержку. Наполеон отступил к Лейпцигу, где союзники, получившие подкрепление из Баварии, практически окружили его.

Х

Фридриха-Вильгельма устраивал вариант освобождения Германии до Рейна. Меттерних вновь ухватился за идею о балансе европейских сил, неотъемлемой частью которой должна оставаться Франция. Война несла угрозу этой концепции. Теперь Гнейзенау (несмотря на яростное сопротивление со стороны Блюхера) выступал ярким сторонником полного уничтожения Наполеона, то есть проводником политики, при которой на первый план выдвигалась оккупация Франции. Шварценберг, по-прежнему строго придерживавшийся традиционных взглядов на войну, считал, что Францию можно и должно принудить к капитуляции, захватив важные стратегические объекты. Однако Гнейзенау требовал двигаться на Париж для полного уничтожения наполеоновского режима. Благодаря поддержке царя (Штейн выступал в роли его консультанта) победила точка зрения Гнейзенау. Прусские войска вошли в Париж в марте 1814 года. Наполеон отрекся от престола. Это была не только победа прусской непреклонности, но и, вне всякого сомнения, неотложная необходимость. Гнейзенау рассматривал войну как поход в защиту европейской свободы; Наполеон должен предстать перед мировым судом и быть расстрелян за преступления против законности и правопорядка. Парижу должен быть *продиктован* мир, требовал Гнейзенау. Но его требования вступали в противоречие с принципами солидарности между коронованными особами.

В октябре 1814 года в Вене открылся конгресс представителей европейских государств, которому предстояло переписать политическую карту Европы. Наполеон был сослан на остров Эльба. Оттуда он сделал еще одну попытку захвата власти. Ему удалось продержаться у власти сто дней, после чего он был вынужден вновь отказаться от престола, чему в немалой степени способствовали действия со стороны Гнейзенау. Он опять стал начальником штаба у Блюхера и очень сетовал, что согласился на это. В бою у Линьи Блюхер сильно пострадал. Его лошадь была убита, а сам он получил серьезные ранения. Именно Гнейзенау принял эпохальное решение, отдав приказ прусской армии отойти к Льежу. Несмотря на кровопролитный бой, пруссаки были разбиты, но не уничтожены. Наполеон, стремившийся вбить клин между Блюхером и Веллингтоном, потерпел неудачу. Победенная армия должна была двинуться прямо на восток, но Гнейзенау не считал себя побежденным. Ему в голову пришла оригинальная мысль, как поддержать британцев. В соответствии с планом Гнейзенау корпус Блюхера, когда Веллингтон скомандовал общее наступление, неожиданно вышел с правого фланга французов. План Гнейзенау дал возможность Блюхеру решить исход битвы при Ватерлоо, сделал возможной победу и разгром Наполеона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.